

Климов Элем
(среще)

Режиссер, который не шел на компромисс

Известия. — 2003. — 28 окт. — с. 13

В этом году кинорежиссеру Элему Климову исполнилось 70 лет. Никакая жизнь не кажется слишком продолжительной. Для людей же, занимающихся кинорежиссурой, она не маленькая. А снял он всего лишь шесть картин. В то же время можно сказать: целых шесть картин. Это «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964), «Похождения зубного врача» (1965), «Спорт, спорт, спорт» (1970), «Агония» (1981), «Прощание» (1982), «Иди и смотри» (1985). За рамками жизни остался незавершенный замысел — экранизация «Мастера и Маргариты». Часть жизни отняла работа на посту главы Союза кинематографистов в годы перестройки.

Юрий БОГОМОЛОВ

Во ВГИК он пришел в самом начале шестидесятых. Идеологический климат был сносный, благоприятствующий талантливым людям. Уже его курсовая работа — двухчастевка под названием «Жених» — часто показывалась вне стен института. То была трогательная лирическая лента с толикой иронии. Повествовала она о влюбленных первоклассниках, «роман» которых протекал под строгим взором старой учительницы, втихоря зачитывающейся печальной повестью о Ромео и Джульетте.

Образ суровой красной наставницы впоследствии получил развитие. Он стал метафорой советской власти. С этим умыслом и была снята его дипломная работа «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» о житье-бытье детишек под присмотром товарища Дынина. О том, что детскую душу контролировать труднее трудно. Это как удержать в волейбольной сетке воду.

Антисоветский душок цензоры, разумеется, учуяли. Но времена тогда еще были вегетарианские — шел 1965 год. К тому же молодой режиссер проявил недюжинную несговорчивость как на уровне проб (он насмерть стоял, чтобы на роль Дынина утвердили Евгения Евстигнеева), так и в пору окончательной приемки. Тем не менее на полку она не легла по чистой случайности. Кому-то из жен партийных бонз во время дачного просмотра фильм понравился, и судьба его была решена.

А уже в следующей картине — «Похождения зубного врача» — Элем Климов в сотрудничестве с драматургом Александром Володиным замахнулся на святая святых советской идеологии — безусловную ценность коллективизма. Комедия вышла смешной и горькой. Но и она прошла. А трагедия «Агония» не прошла.

Тема отдельно взятого человека со своим отдельным внутренним миром, противостоящего тоталитарному режиму или обособляющегося от него, стала для режиссера навязчивой в лучшем и достойнейшем смысле этого слова. Ее угол постепенно расширялся. Но от этого вопреки геометрическим закономерностям делался все острее. Потому ему все чаще приходилось вуалировать ее в исторический материал — «Агония» (последние дни царствования Николая II) и «Иди и смотри» (детская душа на randevu с войной).

Все его фильмы — либо ироническая, либо историческая притча. В том числе и такие ленты, как «Спорт, спорт, спорт» или «Прощание».

Потому он и пришел к идее воплотить на экране булгаковский роман. Он хотел поднять его во всем объеме и воплотить со всей полнотой.

Потому на него выпал выбор кинематографистов на V съезде. Как на самого бескомпромиссного художника. Ноша общественной деятельности оказалась не по нему. Ноша грандиозного художественно-философского замысла, каким был «Мастер и Маргарита», нуждалась, как признавался сам режиссер, в

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

адекватном технологическом решении, которого на тот исторический момент не было.

И после советской власти, в условиях демократии и рынка, его

нонконформистская натура не дала слабину. Таким он был человеком и художником — Элем Германович Климов. Таким он и останется в нашей памяти.

Вспоминая Элема Климова

Армен МЕДВЕДЕВ, киновед:

— Так случилось, что Элем Германович, будучи одним из самых светлейших и честнейших людей из всех, кого я знаю, одновременно был еще и чрезвычайно невезучим человеком. Судьба этого режиссера складывалась так, что у него почти никогда и ничего не получалось с первого раза. Ведь я знаю его еще со времен поступления во ВГИК. Он прекрасно сдал экзамены на режиссерский. А до этого окончил МАИ. И там возникли какие-то недоразумения со сроками. Так его в институте кинематографии то поздравляли с поступлением, то вызывали обратно и сообщали, что он не может быть зачислен — не хватает месяца стажа. Хорошо, что одумались, и пригласив Климова в третий раз, окончательно и бесповоротно заверили, что в институт он зачислен. С другой же стороны, Элем Германович был все-таки счастливым человеком. Несмотря на сложный характер, а он был весьма принципиальным, никогда не шел на компромиссы, его любили в кинематографической среде. Недаром на V съезде кинематографистов, чрезвычайно важном событии в истории культуры, его назначили первым секретарем. Правда, недруги считали и говорили всуе, что это плоды интриги. Но я, вполне отвечая за свои слова, могу заверить, что это не так. И еще. Картины Климова действительно лежали на полке. Но при том, что снял он немного, он никогда не шагнул по проторенному пути. По-моему, уход Элема Германовича нелеп, ведь оборвалось ощущение, что Климов — это навсегда. Мы должны вспоминать, как много он сделал для нашего кино.

Лидия СМЕРНОВА, актриса:

— Я в последнее время плохо себя чувствую. Слышала только о смерти Леонида Филатова. Не знала, что с Элемом Германовичем что-то случилось... Что ж... Картина «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!», на которой нам довелось работать вместе, была, насколько я помню, его дипломной работой. Она получилась замечательной. Работалось с ним интересно, ведь человеком он был незаурядным.

Лев ДУРОВ, актер:

— Я достался Элему в наследство. На роль в «Прощании» меня пробовала его жена, трагически погибшая Лариса Шепитько. В это же время режиссер Мотыль утвердил меня в картину «Лес».

Кто-то из работавших на «Прощании» нашел мою записочку с расписанием съемок «Леса», и она попала к Ларисе. Ей это совсем не понравилось: «Или ты снимаешься у меня, или у Мотыля!» Я отвечаю: «Но ведь в твой фильм меня еще не взяли, идут пробы...» — « Не будь гимназисткой. Пробы идут для твоих партнеров, а ты давно утверждена».

Так я ушел из «Леса» и стал сниматься у Ларисы Шепитько.

Когда Лариса погибла, я был на гастролях в Крыму. Если бы я не уехал, то разделил бы ее судьбу: она меня от себя не отпускала, и я все время был с ней рядом. Затем картину принял Элем — и снял ее заново, переделав даже готовый материал. При этом он чуть было меня не утопил. Я знал, как резко у нас меняется погода, и все время его торопил: «Давай снимем финальную сцену!» (В ней я прыгаю с катера в воду.) А Элем отвечал: «Успеем».

И вот настала глубокая осень, температура воды понизилась до восьми градусов. Тогда-то и начали снимать финал. Навезли дымовых шашек, чтобы сделать туман, скомандовали «Мотор!», я пробежал по палубе катера и прыгнул в воду, не сняв сапог и пиджака. Передо мной прыгал каскадер в гидрокостюме: он вернулся и сказал, что в этой воде плавать нельзя и больше он в нее не полезет. А я поплыл — плыву, катер уходит в туман и вскоре совсем исчезает. Пиджак пузырями вздувается за спиной, сапоги тянут ко дну, мало-помалу начинаю захлебываться. Ничего не слышу, задыхаясь в дыму, думаю о том, что, пожалуй, придется утонуть, и тут раздаются крики: «Он где-то здесь, не раздается бы!»

На катере меня скрючил мышечный паралич, а во время растирания я потерял едва ли не всю кожу. Утром я проснулся ободраным, но здоровым.

В годовщину смерти Ларисы мы с Элемом часто встречались у ее могилы и вспоминали прошлое. Элем и Лариса были мистическими людьми. Они вечно спорили из-за какой-то спортивной куртки, и когда Лариса начала «Прощание», Элем ее уступил. К чему такая вещь режиссеру, сидящему без картины? На съемках она нужнее. Элем и Лариса распрощались, но через несколько секунд жена вернулась и сунула куртку ему обратно: «Она мне не понадобится». Так и вышло...

А разбилась Лариса в месте с названием, по-моему, «Куркино», у автобусной станции. Но

на остановке осталось лишь слово «кино» — первый слог отлетел.

Элем был ироничным человеком. Я часто приходил к нему в гости, мы выпивали, болтали, но я не мог взять в толк, почему он так резко меня выпроваживает, даже выталкивает на лестничную площадку. Выхожу на улицу и спохватываюсь: где моя кепка? Звоню Элему: «Кепка не у тебя? Я завтра зайду...» — « Не зайдешь. Я их коллекционирую».

Он собирал кепки друзей — среди других экспонатов у него имелись три моих.

В последнее время мы встречались редко. Элем не мог запустить новую картину, его задумки уходили в песок, но он никогда не ныл. И все же меня не покидало ощущение, что под конец жизни он находился в депрессии. Иногда мне казалось, что Элем так и не оправился после смерти Ларисы: перед смертью он избегал общения с кем бы то ни было. А сейчас я думаю: почему я не был настойчив? Надо было заходить к нему, вытаскивать его в театр... Что делать — все мы крепки задним умом. Его гибель огромная, невосполнимая потеря: ушел человек, олицетворяющий все лучшее, что есть в профессии кинорежиссера.

Елена САНАЕВА, актриса:

— Я прочла где-то, что после 50 лет приобретаешь себе на выход темную пару (костюм) и ходишь в основном на похороны. Мне уже несколько больше, и тем не менее подобные известия обдают, словно ледяной водой. Может быть, сказав, что с Климовым ушла целая эпоха советского кино, я скажу банальность, но это факт. Этот человек в своей жизни за все заплатил определенную цену. Его фильмы можно не любить, можно ими восхищаться, но Элему Германовичу предъявлен самый высокий «гамбургский» счет. Заплачено талантом, совестью, убеждениями, любовью. Он был очень цельным человеком, достаточно страстным, но, наверное, творческая личность не может быть другой. Это большая потеря. Жаль еще, что он, как и многие подобного масштаба режиссеры, не сказал нам какого-то своего заповедного слова. Не рассказал, отчего болит его душа, что ему дорого, любимо. В последнее время он отошел от общественной жизни, от света, жил только внутренним миром. Но... Это неважно. Надо, как учил меня Ролан Быков, судить о художнике по вершинам, а они у Климова были. Его будет очень не хватать.